

ЛАНА --- РОГОВСКАЯ

СМЕРТЬ
У ДОЛЬМЕНА

Лана Роговская

Смерть у дольмена

«Издательские решения»

Роговская Л.

Смерть у дольмена / Л. Роговская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839836-0

Полковник МУРа Водопьянов приезжает поправить здоровье в адыгейский санаторий. Случайно он становится свидетелем загадочной гибели молодой женщины из старинного знатного рода. Она хотела родить ребенка и приехала в здравницу вместе с мужем лечиться от бесплодия. Несчастный случай или убийство? Местные коллеги активно вовлекают полковника в следствие. Водопьянов впервые узнает о существовании древних дольменов, сыгравших роковую роль в данной трагедии. Завершается история весьма неожиданно...

ISBN 978-5-44-839836-0

© Роговская Л.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. В гостях у лошади	6
Глава 2. Марусины откровения	11
Глава 3. Путевка в рай	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Смерть у дольмена

Лана Роговская

Исполнительный арт-директор Лина Разгулина

Выпускающий редактор Наталья Лёвкина

Корректор Елена Соседова

© Лана Роговская, 2017

ISBN 978-5-4483-9836-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор благодарит друзей-консультантов данного издания: Василия, Анатолия, Ларису, Надежду, Ольгу, а также близких: Олега, Галину, Тамару – за неоценимую помощь в подготовке романа.

Особая благодарность за рецензию и поддержку замечательному писателю и мудрому человеку – Виктории Токаревой.

Автор обращает внимание читателя на то, что изложенная история вымышлена. Все совпадения случайны.

Хорошую религию придумали индусы:

Что мы, отдав концы, не умираем насовсем.

В. Высоцкий

Глава 1. В гостях у лошади

– Вам повезло сегодня с погодой, – громко и внятно произнесла на русском гид-переводчик. И, понизив хриловатый прокуренный голос, продолжила с назидательной таинственностью: – Не каждому посетителю Белая лошадь позволяет увидеть сразу три графства с вершины своих холмов. Обычно здесь властвуют или густые туманы, или порывистые ветры с дождём.

Алёна с Марусей взглянули друг на друга и без причины расхохотались. Яркий солнечный день радовал теплом и покоем. Настроение было восхитительным. Обе подруги наслаждались многочасовой прогулкой по окрестностям Оксфорда. И предвкушали завтрашнюю увлекательную экскурсию – по Темзе на лодке. По тем местам, где плавал в своё время знаменитый писатель Джером К. Джером и которые запечатлел в своём бессмертном произведении «Трое в лодке, не считая собаки».

– Итак, перед вами – знаменитая Уффингтонская белая лошадь. Геоглиф. Гигантский рисунок на меловых холмах. Его обнаружили в графстве Оксфордшир при аэрофотосъёмке. С земли же ни с одной точки не получается полностью охватить взглядом и понять масштаб этой фигуры. Отовсюду видны только её части.

– Не вижу никакой лошади! Только белые пятна на соседнем холме, – капризно заявила Маруся, глядя на горы из-под руки, приставленной козырьком к высокому лбу. – Лошадь-то где?

– Не торопитесь, мы сейчас приблизимся к геоглифу и взглянем на него с нескольких ракурсов. Вам станет понятнее. Давайте подойдём к схеме расположения здешних сооружений, – гид подвела их к столбику с картой местности и неторопливо продолжила свой рассказ:

– Это одно из самых знаменитых древних гигантских изображений. Датируется как минимум железным веком. Недавнее оксфордское исследование даёт таинственной Лошади не менее трёх тысяч лет. Фигура имеет длину сто метров, высоту тридцать метров. Контурные представляют собой канавы шириной два-три метра и глубиной около метра.

– Странно, что это всё не заросло за столько-то тысячелетий, – задумчиво произнесла Алёна.

– Загадочное изображение сохранилось достаточно хорошо благодаря тому, что за ним регулярно ухаживали местные жители. Говорят, здесь существовала традиция чистить Лошадь каждые семь лет. Теперь о геоглифе заботится государство. Некоторые учёные полагают, что первоначально это могла быть и фигура дракона. Либо один из кельтских богов. А может, это племенной символ, тотем.

– Неправда, на овцу это похоже, – снова придиричиво не согласилась Маруся, взглянув на картинку, предложенную гидом.

– Кстати, – гид улыбнулась, – в России геоглифы тоже есть.

– Первый раз слышу, – Маруся удивлённо надула свои подправленные гелем блестящие губки. – О пустыне Наска в Перу везде пишут и говорят. Там тоже гигантские рисунки есть.

В виде людей и животных. Я читала, что самая большая фигура – почти триста метров шириной. Все туристы туда мотаются теперь на самолётах... Мои знакомые недавно там были, вернулись обалдевшие от впечатлений. Но чтобы у нас в России... Что-то не припомню.

– Под Челябинском совсем недавно обнаружена гигантская фигура Лося, он почти в два раза крупнее нашей Белой Лошади. Посмотрите в интернете!

– Мой муж говорит, что эти сооружения – это древний аналог джипиэс для ориентирования в пространстве, – авторитетно произнесла Алёна.

– Что-что? – Маруся изумлённо посмотрела на подругу, и они снова звонко расхохотались. Смех хрустально рассыпался по холмам, пронизывая прозрачный чистый воздух. Даже гуляющие вокруг белые овцы с чёрными головами, казалось, заулыбались им в ответ.

– И вовсе не смешно... – сквозь смех продолжила свою мысль Алёна. – Если это изображение можно увидеть полностью только сверху, получается, и предназначалось оно никак не для тех, кто смотрит с земли. У моего мужа есть гипотеза, что все здешние сооружения – и Лошадь эта известковая, и курган, древний дольмен неподалеку – это связанные между собой артефакты. А создавали их инопланетяне или какая-то неизвестная нам древняя цивилизация.

– Да, такая теория не нова, – отозвалась гид. – Кто это создал, с какой целью? Когда?

На сегодняшний день ответов ни на один вопрос нет. Вот и Стоунхендж, который вы уже видели сегодня, непонятен учёным. Доставить издалека огромные цельные камни-мегалиты, расположить их в определённом порядке, точно установить один на другой не просто даже для сегодняшней цивилизации. Исследователи паранормальных явлений до сих пор спорят, что это: храм, кладбище, ворота в другое измерение или древняя обсерватория? Вес опорных камней достигает пятидесяти тонн, а ближайшая каменоломня с такой породой расположена не ближе ста шестидесяти кило-метров от Стоунхенджа. Тут можно поверить, что только пришельцам под силу было заставить огромные камни двигаться, то есть танцевать. Кстати, в переводе со староанглийского Stonehenge значит «висячие, или танцующие, камни».

Алёна с Марусей утром действительно успели посетить знаменитый Стоунхендж, мегалитический комплекс в графстве Уилтшир, которому, по мнению исследователей, уже более пяти тысяч лет. Там, как подтвердят многие туристы, всегда холодно и ветрено. Они тоже быстро продрогли возле разрушенных временем камней и поспешили к следующей достопримечательности Великобритании – Белой Лошади. Алёна добросовестно, со всей ответственностью старалась показать своей лучшей подруге детства все самые интересные туристические места близ Оксфорда.

– Тут в округе есть загадочные древние памятники. Тебе надо обязательно взглянуть на них, – предложила она, когда Маруся с мужем Саймоном собралась приехать к ней в гости. Я там бывала не раз, но мне тоже интересно. Только давайте гида пригласим, потому что сама не смогу толком рассказать.

– Конечно, пригласим, – немедленно согласился Саймон. – Только я с вами не поеду, уже бывал там. А вам, подружкам, пообщаться охота – поезжайте вдвоём.

Алёна и Маруся выросли вместе в одном московском дворе. Подруг-ровесниц было трое. «Не разлей вода», как говорили про них соседи. Третьей была Танька Маркова. Они доверяли друг другу все свои секреты, большие и маленькие. Вместе выросли. Ругались и мирились. Росли как сёстры. Только сестёр дают родители тебя не спрашивают, а подруга – дело добровольного выбора. Подруга бывает порою ближе и роднее сестры. В дальнейшем жизнь их не разлучила, хотя и разбросала по городам и странам.

Татьяна стала врачом и жила теперь в Подмоскowie с семьёй. Алёна уже давно обосновалась в Соединённом Королевстве с мужем-нефтяником и детьми. Маруся продолжала жить в старой московской квартире с новым мужем, Саймоном Янингом, англичанином российского происхождения. Повидаться подругам теперь удавалось редко. И сегодня они, пользуясь случаем, развлекались вдвоём, с удовольствием обозревая достопримечательности Южной Англии.

После экскурсии заехали в местный паб поесть любимый Марусин «фиш-энд-чипс», выпить знаменитого английского эля и посекретничать.

– Ну, как ваши дела с Саймоном? Как с наследниками? – спросила подругу Алёна. – Пора. Ведь тебе тридцать семь.

– Да не получается пока, я же тебе говорила по «Скайпу».

– А как ты обследовалась? Сейчас вроде нет с этим проблем. Всякие технологии доступны... Хоть в пробирке, хоть с суррогатной мамкой...

– Да стараюсь я, чего уж только не делала! – наконец-то Маруся могла выговориться подруге. Эту деликатную тему она считала своей тайной, которую не со всеми можно обсуждать.

Тайна заключалась в том, что Маруся Исупова очень хотела родить ребёнка, но не могла. В свои тридцать семь лет она второй раз вышла замуж, прежде бывали у неё короткие и длинные романы, она влюблялась и охладевала. Жила. Радовалась, когда было хорошо. Грустила – когда плохо. Любила путешествовать, общаться с многочисленными друзьями, которых у неё было полно в разных странах мира.

Она имела весёлый лёгкий нрав, необременительную работу, огромную квартиру со всякой пыльной антикварной утварью в центре Москвы, доставшуюся ей по наследству, и множество поклонников.

В юности они с подругами лихо отплясывали на вечеринках, были завсегдатаями всех тусовок в округе. Зимой «зажигали», как теперь говорят, в Москве, летом – в Ялте, где в студенческую пору их друзья и подруги про-водили пару-тройку недель летних каникул. К концу отпуска у всей компании оставалось несколько рублей, которые подсчитывались бережно и скрупулёзно, чтобы затем просадить на бутылку водки попроще и местную вяленую рыбку. Последний пир устраивали уже перед поездом или самолётом. Вспоминали весёлые деньки, исполненные моря, солнца и флирта. Хохотали до колик в животе, прощаясь до следующего лета.

Потом стали чаще ездить в путешествия за границу. Началось, как у всех постсоветских россиян, с туров в Анталию. Затем объятия гостеприимства распахнула Америка. В Штатах Маруся начала было посещать их американские вечеринки – пати. Но там, на её вкус, было слишком мало танцев, слишком много еды шумных пустых разговоров. Больше нравилась старушка Европа.

Когда-то давно в Англии её пригласили на ланч в настоящий английский клуб, очень старый и чопорный. Ей любопытно было ознакомиться с ритуалом дневных развлечений леди и джентльменов. Она долго готовилась, подбирала одежду, консультировалась.

– Брюки должны быть тёмные и строгие. Верх – светлая блузка с воротничком. Хорошо добавить маленькую косынку на шею, – наставляла пригласившая её дама, состоявшая этом клубе.

Там они попали на заседание кружка любителей чтения. Послушали лекцию какой-то писательницы вместе с принаряженными пожилыми членами клуба. Потом наблюдали джентльменов, которые в белоснежных брюках и таких же курточках, не торопясь, играли в крокет. С чувством чисто английского достоинства гоняли такой же белоснежный мячик на изумруд-но-вылизанном клубном поле. В общем, было довольно интересно, но разгуляться во всю ширь русской души не получилось.

Посетила, конечно же, Маруся и Францию. Весьма удачными и запоминающимися были тусовки с тамошними друзьями в ночных клубах, кабаре. Испания подкупала вкусным хамоном, ночным весельем и открытостью людей. Однако больше всего она полюбила Италию. Вот где умеют веселиться, петь, жить. Удивительная лёгкость и гармония в стиле жизни. На итальянцев невозможно обижаться даже тогда, когда они, припевая, обсчитывают тебя в кафе, играючи приписывая не заказанное гостем блюдо.

До тридцати двух лет она жила в Москве со старенькой матерью. Вообще-то её имя по паспорту было Марина, но мама с детства звала её Марусей и приучила к этому всех окружающих. Мама долго болела и в последний год уже не узнавала дочь. Маруся купила ей дорогую медицинскую страховку. Когда мать совсем слегла, наняла для неё хорошую сиделку. Заботилась изо всех сил. Очень боялась остаться одна. Близких родственников у неё больше не было. Где-то в Англии имелись какие-то дальние родичи по отцу. Он, как говорили, происходил из знаменитого рода Исуповых. Но отца потеряли очень рано, когда Марусе было всего пять лет. Мама работала на дому, преподавала музыку. Она дала дочери хорошее образование: обучила игре на фортепиано, подготовила к университету, позаботилась о том, чтобы дочь сносно могла изъясняться на трёх языках.

Теперь же пришло время завести свою семью и детей. Маруся Исупова созрела для этого-го, но вдруг натолкнулась на непреодолимую стену. Не было беременностей. Не получилось. Подруги все повыходили замуж, а многие успели и развестись. Но у всех были детишки. У самых близких подруг, Алёны и Татьяны, сложились крепкие и счастливые семьи. А у Маруси не задавалось. Она довольно быстро развелась со своим первым мужем, за которого выскочила сразу после смерти матери: хотела избежать одиночества. Развод оформили легко и без страданий. Муж просто оказался не её человеком, принёс больше неприятностей, чем радости. Маруся была даже рада тому, что с ним не получилось потомства.

– Алёнушка, а ты легко забеременела? Счастливая ты, уже двое детишек, – заглянула она в глаза подруге.

– С этим у нас вообще проблем не было, мы с мужем даже и не планировали детей. Само получилось. Помню, в то время в Англию собирались переезжать, тут не до потомства вообще. И вдруг – бац! – сюрпрайз, – охотно заулыбалась Алёна. – Но меня сейчас больше ты волнуешь. У тебя-то как с этим?

– В том-то и дело, что плохо всё... Марусю как прорвало. Наконец рассказано было всё без утайки. Хотя и по телефону, и по «Скайпу» кое-что уже обсуждалось. Но когда рядышком, глаза в глаза, душа освобождается быстрее и полностью. «Подружечная» психотерапия.

Глава 2. Марусины откровения

Когда Маруся Исупова вдруг осознала, что дети-то у неё не получаются, побежала к знакомому гинекологу. В ходе обследования начали выявляться всякие болячки, о которых она или не знала, или не обращала внимания. Лечение назначалось – и не помогало. Процесс ожидания беременности становился привычным делом. Она сдавала какие-то бесконечные анализы, принимала таблетки, ходила на процедуры. Всё было напрасно. Деток не было. Появилась неизбывная грусть. О проблеме даже поговорить с кем-то ей казалось стыдным. Особенно въелись в память унижительные соседкины слова: «Почто дитя-то не растишь? Пустопорожня, что ли? Бесплодная?»

Ещё больше изменилась её жизнь после ультразвукового исследования груди.

– У вас опухолевидное образование в левой молочной железе, – сочувственно, но прямо, глядя ей в глаза, сообщила доктор. – Вам немедленно надо делать операцию.

– Какую операцию? – растерянno спросила Маруся.

– Для начала у вас удалят участок груди, где локализуется опухоль. Обычно сразу, то есть во время операции делают лабораторное исследование этого образования и решают, как быть дальше.

– Что решают? Могут всё удалить? Всю грудь?

– Могут. Но вы не волнуйтесь. Тотальное удаление может и не потребоваться.

– А по-другому нельзя? Может, в Израиль поехать? Там, говорят, хорошая медицина.

– По-другому не делают нигде. Не теряйте времени! И не бойтесь: если уберут полностью, сегодня сразу можно ставить имплантат. Ничего заметно не будет.

Марусе не к месту вспомнилась подруга, которая недавно сделала себе большие силиконовые груди. Когда у неё поинтересовались о цене пластической операции, та весело расхохоталась: «Да я с такими сиськами теперь столько буду денег иметь! Всё потраченное верну, да ещё и заработаю!»

Однако сейчас было не до смеха. Слово «рак» произнесено не было. Но Маруся почти что увидела его над собой. Чёрными буквами.

Размером в небо над головой. Это слово затмило всё. Именно с той минуты она почувствовала, что жизнь стала другой.

Вскоре ей сделали операцию, которой она так боялась. В обычной московской больнице. Марусю направили туда из местной поликлиники. Доктор-онколог оперировал уверенно, привычно, без лишних движений. Его голос, приятного тембра, заполнял операционную. Всё живое и неживое, заключённое в этом стерильном белом помещении, было подчинено его интонациям. «Фарабеф... пинцет хирургический... сушить...» – послушная его мягким приказам медицинская сестра подавала ему необходимые инструменты. Ритмично шуршал какой-

то прибор, плавно передвигались ассистенты, играла музыка. Маруся повернула голову и заметила магнитофон, стоящий в стенной нише. Её оперировали под местной анестезией, на первом этапе общего наркоза не требовалось.

«Как хорошо, – подумала она, – что здесь музыка».

Приятная мелодия, как бы пришедшая в этот хирургический мир из обычной человеческой жизни, порадовала и обнадежила. Заполнила собой зияющие дыры в её личном пространстве, где витал безграничный ледяной страх. Затем музыка прекратилась, сменившись новостями, радио начало негромко рассказывать о городских происшествиях. Сквозь обезболивающее чувствовалось лишь некое шевеление в груди под скальпелем, поверх белой занавески виднелась шапочка хирурга. Маруся смотрела на неё и вязко думала:

«Какая смешная... пилотка... ещё и цвета защитного... что же он у меня сейчас вынимает из тела? Если ЭТО НЕЧТО будет доброкачественное, то жизнь потечёт по прежнему руслу... а если нет? Тогда будет длинный и топкий путь: облучение, какая-то химическая терапия... Рассказывают, на этом пути так много страданий и боли, тошноты, рвоты, слёз, а главное – неуверенности в завтрашнем дне постоянного ожидания плохого. А ведь так хочется жить, с надеждой смотреть в будущее! Но жизнь сразу и грубо делится на до и после... Если будет плохое, то надо сразу уходить с работы и дать себе хоть чуть-чуть отдохнуть. Сколько там той жизни осталось?»

Вспомнились слова мудрой мамочки: «Зато хоть будешь знать, что осталось немного, и поживёшь спокойно».

«А как это – спокойно? Сидеть дома и опять ждать? Ждать-то будешь всё равно плохого...»

Пока Маруся продумывала варианты своего существования в зависимости от исхода операции, доктор уже мастерски изъясил ЭТО НЕЧТО из её груди, положил на лоточек. Санитарка, подхватив лоток за эмалированные бока, побежала по длинным петляющим коридорам больницы в подвал. Там, в лаборатории, старый опытный патологоанатом посмотрит на ЭТО НЕЧТО в свой микроскоп, разрежет на мелкие полоски и станет изучать слой за слоем. Он будет сравнивать строение изъятых кусочка плоти с привычными нормами. Чтобы понять окончательно, доброе ЭТО НЕЧТО или злое, станет окрашивать полученные срезы ткани разными красителями. И в конце концов скажет своё слово, которое, собственно, и определит судьбу владельца данного кусочка плоти.

Между тем операция продолжалась, хирург уже приступил к зашиванию.

– Кетгут... Тампон...

В операционной настал тот момент, когда напряжённая работа хирурга уже больше не доминирует. Когда все с облегчением осознают, что благодаря его мастерству и знанию отступили проблемы, неизменно нависающие над операционным столом. Во время хирургической операции пространство всегда сгущается над головами докторов и медсестёр, когда в их руках жизнь пациента. Хирург некоторым образом нарушает законы мироздания. Он пытается вопреки судьбе вернуть человеческую жизнь русло бытия, когда ей уже будто предначертан иной путь.

В этот раз не случилось осложнений, кровотечений, шоковых реакций. Рану зашивали.

– Где Тома? – рявкнул доктор. – Она что там делает?

Медсестра Тома, услышав его рык, пульей влетела в операционную.

– Ты почему не здесь?

– Да я хотела помыть... м-м-м... инструменты...

– Не мой! Здесь будь! Марусе стало смешно и легко.

– Дайте ей по носу! – поучаствовала она в разговоре. Врачи заулыбались незамысловатой шутке своей пациентки.

– Дадим... если будет нас тут бросать... Напряжение спадало. Мелодия жизни развеивала белую пластиковость и стерильность операционной.

Однако самым неприятным в такой операции оставалась неуверенность врачей в том, что они зашивают рану насовсем. Ожидали окончательного вердикта гистолога. Всё останется как есть, если его заключение будет по первому варианту, если диагноз рака не подтвердится. Но если по второму... Тогда Марусю снова вернут на стол, и операция предстоит более объёмная и трудная.

Зашили рану, Марусю переместили на каталку, прикрыли простынёй, вывезли в предбанник операционной. Стали ждать заключения гистолога... Все оставались в напряжении. А она лежала под застиранной простынёй и смотрела в белый потолок. Одна во всей вселенной. Наедине с Богом. На чаше весов... А что на другой чаше? Перевесит ли?

Маруся навсегда запомнила это томительное свинцовое ожидание и потом – свою огромную радость, когда санитарка влетела в операционную с результатом гистологии и громко сообщила:

– Всё о'кей! Доброкачественное!

После той операции Маруся стала другой. Серьёзнее, что ли... Как-то целеустремлённее.

Она ходила не только к врачам, но и к бабкам, экстрасенсам, бабушкам, пыталась заняться аюрведой. Постилась, молилась, искала способы забеременеть. Как-то прочитала истории своей фамилии о некоем проклятии, которое должно пресечь исуповский род. Опять расстроилась...

Некоторое время назад она наконец встретила своего мужчину, Саймона Янинга. Он ещё в детстве с родителями уехал в Великобританию, теперь жил там и был подданным Её Величества. Имел свой компьютерный бизнес. Как принято там, в Англии, он долго не женился. Когда они встретились с Марусей на свадьбе у друзей, ему было уже сорок шесть.

– Мариночка, я тебя ждал всю жизнь. Ты – моя женщина, – сказал он ей в первый же день их знакомства.

Теперь они пытались обследоваться и лечиться от бесплодия вместе. Этот диагноз ей был выставлен изначально, но со временем слегка изменился и звучал как «бесплодие неясного генеза». В переводе с научного языка это означало, что болезней никаких не обнаружили, и почему у Маруси нет беременности, врачи просто-напросто не знают.

– Мариночка, надо делать операцию, о которой говорят доктора, – сказал ей муж полгода назад. – Видишь, у меня всё хорошо по анализам. Значит, дело всё-таки в тебе. Пусть сделают лапароскопию.

– Я боюсь, операция всё-таки. Наркоз. Мне уже и так полгруды оттяпали. Врачам только попадись... – сомневалась Маруся.

Потом она всё же решилась и предложенную операцию сделала. К счастью, осложнений, которых она так боялась, не случилось. Но врачи сказали: «Никакой патологии у вас нет. Операция была диагностической, лечебного вмешательства не потребовалось. Ищите причину бесплодия в себе».

Маруся совсем пала духом: «Ну что же делать? Обратиться к китайской медицине? В монастырь пойти? В Тибет податься?»

Она попробовала ставить китайские иголки, даже ездила в Китай. Но каждый новый месяц продолжали поступать грустные вести об отсутствии беременности.

– Понимаешь, Алёнушка, я теперь чувствую себя, как та попрыгунья Стрекоза в известной басне, – Маруся пригорюнилась, потирая свой высокий белый лоб. – Получается, что лето красное пропела, оглянуться не успела, как зима катит в глаза... А ведь мне уже скоро сороковник.

За разговором подружки выпили почти по литру эля. Однако даже замечательный ирландский напиток не поднял им настроения.

– Хоть в дольмен иди плакаться! – грустно улыбнулась она Алёне, когда закончила свой рассказ.

– Кто знает? Может, и в дольмен... – задумчиво произнесла Алёна. – Только мне кажется, оплодотворение в пробирке как-то более надёжно и понятно. Чего тут бояться? У нас многие его теперь делают...

– Я думаю над этим. И Саймон тоже готов. Вот одно дельце ещё проверну и, пожалуй, пойду делать ЭКО.

Глава 3. Путевка в рай

Бездонный купол иссиня-чёрного неба расцвёл мириадами созвездий.

«В Москве такого неба не бывает, – подумалось Водопьянову. – А может, дело в другом? В детстве мы часто смотрим на небо, но зрение избирательно: подмечает только яркие звёзды. А теперь, когда ты повидал и пожил, уже смотришь более внимательно и видишь то, что ранее было скрыто от глаз».

Старый сыщик вздохнул и вернулся с огромного балкона в комнату, чтобы взять очки прицельнее взглянуть на звёзды. Его номер в модном санатории «Лаго-Неро» был светлым, современным. Большое пространство его не давило, как обычно. Василий Фёдорович пересёк комнату, вышел в прихожую и порылся в нераспакованном чемодане, разыскивая очки. Надел, вышел опять на балкон.

Небо действительно было необычным, каким-то глубоким и объёмным. Он постоял, вдыхая вкусный воздух предгорного плато. Этот воздух за один только день наплатил его насквозь запахами цветущих деревьев, сирени, остатков черёмухи.

«Ну, куда я поеду один? – ещё вчера он стоял посреди своего дома в Подмоскovie и жаловался жене: – Могла бы и раньше сделать свои дела!» Ему, заместителю начальника МУРа, выдали путёвку в санаторий на Кавказе неожиданно. Под его руководством некоторое время назад было раскрыто громкое, на шумевшее в прессе преступление. Расследование контролировалось в самых верхах, дело было тяжёлым и запутанным. Он устал и вообще-то подумывал о заслуженной пенсии, даже заикнулся об этом руководству. Сослался на возраст, старые раны... Однако начальство и слышать не хотело о его уходе.

– И не думай даже! – засмеялся генерал Киреев. – Мы тут без тебя пропадём. Ещё смену себе не подготовил. Подправь здоровьишко и снова в строй!

Полковнику через день после этого разговора позвонили из реабилитационного центра МВД и сказали, что есть путёвка в хорошее место. Как поощрение за отличную работу. Незамедлительно дают отпуск. С начальством вопрос согласован.

– От таких предложений не отказываются, – настойчиво произнёс в трубку женский голос. – Вам обязательно нужно восстановиться после нагрузок.

– М-м-м... я подумаю, – попытался отложить непростое решение Василий Фёдорович.

– Думайте до завтра, я перезвоню, – строго сказала женщина и положила трубку.

«Что тут думать? Собирайся и езжай! А я приеду прямо в Сочи, отпразднуем свадьбу Кахно и вернёмся вместе в санаторий», – быстро отреагировала жена Люба, когда он сообщил ей о путёвке. Они были приглашены на свадьбу к друзьям, которые через несколько дней выдавали замуж дочь-москвичку за парня из Сочи.

Благодаря жене вопрос был решён. Сейчас подходил к концу первый день его пребывания в санатории.

Комнату ему выделили просторную и красивую, врач встретила приветливо и сразу назначила необходимые процедуры. Уже в полдень вежливая медсестричка успела сделать полковнику успокаивающий массаж, после чего он проспал часа полтора. А вечером, когда Водопьянов решил прогуляться по ухоженной территории здравницы, то услышал звуки скрипки. Какая-то знакомая мелодия мягко и плавно плыла среди вековых деревьев и цветущих кустов. Он пошёл на звук и увидел сквозь стекло летнего кафе красивую блондинку на небольшой сцене. Она была в декольтированном синем платье, с высокой причёской и с инструментом в руках. Мелодия закончилась, раздались аплодисменты людей, сидящих за столиками с горящими свечами. Девушка на сцене детским голоском рассказывала что-то бесконечно милое о своём, о музыкальном, называя инструмент «скрипочкой». Затем вокруг кафе снова разлилась удивительная животворящая музыка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.